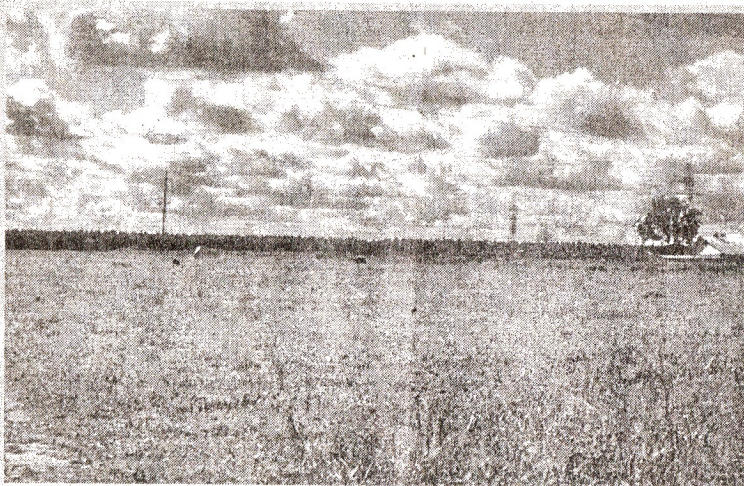

ЭТО МЕСТО СМЕРТИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Постоянные читатели нашей газеты, вероятно, обратили внимание на материалы журналистского расследования, предпринятого газетой: «Страшная тайна Захонья», «Короткая память народа» и «Карта и письмо Таратынова». Время неумолимо удаляет от нас годы Великой Отечественной войны, стирает в памяти народа отдельные детали и события. Все меньше тех, кто может пролить свет на то, что происходило в Волосове более 60 лет назад. И все же находятся косвенные и прямые свидетели. Для тех, кто не читал первых статей, кратко напомним их содержание.

Зимой 2004-2005 годов за Захонским кладбищем под пологом леса, при рытье могил для погребения лиц, у которых нет близких, было обнаружено безвестное массовое захоронение. Начали поиск людей, знающих что-либо. В результате выяснилось, что в Волосове во время войны и после нее был большой лагерь военнопленных - сначала русских, а потом немецких. Останки людей, найденные в Захонье, перезахоронены туда с площадки овощебазы, строившейся в 1978 году на месте бывшего лагеря (на территории Волосовского известкового завода). Каких-либо

Где-то здесь, недалеко от метеостанции, захонский ров

памятных знаков поставлено не было, и место заросло лесом. Есть доказательства того, что в волосовском лагере немцы содержали большое количество бойцов 2-й Ударной армии, печально известной в связи с предательством командующего,

генерала Власова. Их, плененных, привозили сюда из-под Мясного Бора в товарных поездах.

При расследовании, наряду со свидетельскими показаниями, нашелся документ, составленный согласно приказу СНК СССР № 405-165 от 18.02.1946 года. Из него явствует, что между Волосовом и Захоньем в противотанковом рву погребены 6000 военнослужащих мирного населения и партизан. Поиск был продолжен. Из отдельных показаний косвенных и прямых свидетелей, как мозаика, складывалась общая картина событий, а круг поиска сузился до относительно небольшого участка. Впоследствии «карта Таратынова» практически совпала с картой, нарисованной одной из косвенных свидетельниц - Валентины Павловны Федоровой. В то же время появился разноречивый указание месторасположения лагеря. Наряду с визовским лагерем, свидетели указывали на существование другого, где тоже содержалось большое количество военнопленных, находившегося в районе МТС («Сельхозтехника»). Еще какое-то количество пленных немцы содержали в районе стадиона. Но дальше почти все следы ведут в сторону захонского рва.

Итак, слово - свидетелям.

Вера Ивановна ЛЕППИК:

- К началу войны мне было шесть лет. Во время оккупации мы, дети, бывало, ходили в березняк, что за линией железной дороги: там было много земляники. Однажды (за полгода до освобождения) мы услышали шум работающей техники, не то трактора, не то экскаватора. Он рыл на краю березняка широкую траншею. На следующий день мы увидели, как подъехала машина, и немцы скидывают с нее в траншею тела наших солдат. Некоторые из них были в одежде, другие - раздеты, а лицо одного показало нам живым. Подойти ближе мы боялись. Нас заметил охранник, и от его взгляда все бросились бежать. Взгляд тот не забыть до сих пор. Больше мы туда не ходили, боялись. Место указать не могу: все очень изменилось за многие годы. После войны там были огороды.

Екатерина Ивановна ФИЛИЦ-ПЕНКОВА (выезжала вместе с журналистом и сотрудником военкомата на поиски места захонского рва):

наших. Бывало, мы с мамой проходили мимо лагеря военнопленных. Они были голодными, без головных уборов, раздетыми, некоторые - разутыми и просили дать им что-нибудь, но охрана отгоняла. Проселочная дорога из Захонья на Волосово проходила метрах в ста от креста.

Нина Григорьевна ВАСИЛЬЕВА:

- Во время войны я жила в Старом Захонье. Мы видели ров, но не видели, как хоронят, хотя всем было известно, что там хоронили наших. Лагерь был на ВИЗе. Длину рва определить затрудняюсь. После войны ров был прирыт, а потом его заровняли. На середине рва стоял большой березовый крест. Мы мимо него ходили в магазин в Волосово. В 1952 году я работала трактористкой, пахала это поле. Земля рядом была черной, а на месте рва - известняк, камешки, плита. Ров был за метеостанцией, ближе к лесу. Знали мы, что здесь пленных хоронят, но показать некому: в Старом Захонье уже нет коренных жителей.

и двоюродный брат моего мужа. Возможно, ему как-то ухитрилась помочь мать, жившая в Лиможе. Ему повезло дожить до освобождения. Потом он был призван в армию, а сейчас его уже нет в живых.

Когда мы ходили в Волосово, то дорога выходила на хутор Лотто, а затем - на Вокзальную улицу. Где-то здесь был ров. Он был порядочной длины. Других больших захоронений вблизи Волосова нет. Погребенных здесь никто не перезахоранивал. Это мне свекровь и свекор говорили, а они коренными были.

Знать бы точно - копнули бы и нашли, хотя, может, и не надо их тревожить, а поставить крест, оформить могилу, и отслужил бы отец Андрей панихиду. И пусть бы они с миром лежали...

Лидия Адольфовна САЛОПАЕВА:

- Во время войны я жила в Волосове, на Вокзальной улице. К моменту оккупации мне шел десятый год. В районе «Сельхозтехники» немцы устроили лагерь военнопленных. А по нашей Вокзальной улице потом каждый день пленные везли на тачках за пределы поселка мертвых и полуживых. Их сопровождали немцы с собаками, и сами они были, как собаки. В лагере - чуть ли не на каждом метре - собаки. Мы, детишки, ходили туда, к немцам, за обедками: есть-то хотели, нечего было есть... Много нас было, детишек. Кто-то из немцев, не доев суп, выносил нам, а кто-то - выливал нам на головы.

За Вокзальной улицей был лес, и туда везли и везли... Никто из пленных не возвращался. Я никогда не видела, чтобы кто-то назад шел. Движение в одну сторону и так - каждый день. Народу в лагере - кишело. Там были, по словам мамы, и цыгане, и женщины, и дети: всех